

идеологических представлений и политических символов и нужно искать истоки символов реверса монет «Герая». Если вес определен условиями международного монетного рынка, фактура и лишние семантики элементы типа (ободок) отразили влияние привыкшего подражать греко-бактрийским монетам мастера, — то в их изображениях сказались уже воля заказчика—кушанского вождя, пожелавшего воспроизвести близкие его сознанию символы монет его недавних заигндукушских соседей.

Дальнейшая консолидация империи кушанов привела к прекращению выпуска кушанскими правителями недавних кангюйских владений своей монеты и вытеснению ее возникшей совершенно независимо и развившейся из иных источников чеканкой главной линии кушанских царей. Однако, надо полагать, монеты «Герая» продолжали еще долго обращаться в Средней Азии и, в частности, в Хорезме. Во всяком случае, в III веке н. э., когда, по данным «письма Тансара», правители Хорезма становятся независимыми от ослабевшей власти Великих Кушанов, они еще не были забыты. Не исключено, впрочем, что прекращение выпуска этих монет или пока неизвестных нам подражаний им произошло достаточно поздно—скорее всего в правление Канишки (конец I—начало II в. н. э.). Длительность обращения подражаний монетам Эвкратиды и Гелиокла после падения Греко-Бактрии делает это предположение достаточно вероятным.

Однако не с главной линией, а с северным младшим ответвлением правящего дома кушанов были связаны позднейшие кушанские династы среднеазиатских государств—«Чжао-ву» Хорезма, городов Согдианы и Шаша. И возвращение шахов Хорезма к типу чеканки «Герая-Санаба» было не случаем и даже не просто традицией. Это было политическим символом независимости, подчеркнутым противопоставлением связанного с местной династической традицией северных кушанов типа монет типу южно-кушанскому, олицетворяющему власть чуждого, а может быть, и враждебного кушанским династам Хорезма Пешаверского дома.

Данные о местах находок монет «Герая-Санаба» слишком незначительны, чтобы решить вопрос о более точном определении места их чеканки. Очень заманчиво было бы искать это место в Хорезме—там, где традиция монет «Герая» просуществовала до VIII в. Но пока отсутствуют прямые данные, настаивать на этом, конечно, невозможно. Можно было бы предположить, что таким центром являлась Кушания на Зеравшане; самое это имя указывает на особое место, которое она должна была занимать в кушанскую эпоху. Но это тоже не более, как догадка.

Само собой разумеется, предложенная нами гипотеза нуждается в дальнейшем исследовании.

С. Толстов

Удачный опыт

«Известия Иркутского Государственного научного музея», т. II (LVII). Иркутское областное издательство, Иркутск, 1937, 311 стр.

Вышедший недавно в издании Иркутского областного издательства сборник краеведческих статей под общим заголовком «Известия Иркутского Государственного научного музея» продолжает издание, начатое еще в 1923 г. Иркутским музеем под тем же названием. В то же время сборник этот является продолжением хорошо известной далеко за пределами Сибири серии «Известий» Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества (позднее «Общества изучения Восточно-Сибирской области»).

Статьи в сборнике распределены по трем основным разделам: историко-культурному, географическому и экономическому, геологическому, четвертый раздел—хроника. Участие в сборнике 16 авторов наглядно показывает успехи научно-исследовательской деятельности в области изучения Восточной Сибири.

Значительный интерес, и не только с «местной точки зрения», представляет истори-

ко-культурный раздел. Две статьи, открывающие сборник, принадлежат старым деятелям ВСОРГО А. Н. Турунову и М. К. Азадовскому. В первой статье «Щапов и Сибирский отдел Географического общества» освещены условия работы А. П. Щапова, сосланного царем на родину—в Иркутск—после Безднинского дела; отмечена положительная роль местного отдела Географического общества, сумевшего «объединить вокруг своей работы всех полезных краю людей».

Две следующие статьи выдвигают вопрос об изучении фольклора ленских рабочих (А. В. Гуревич—Фольклор Ленских рабочих) в программу работ фольклористов, а также партизанских песен Забайкалья (С. Ф. Баранов—О песнях партизан Забайкалья). В. С. Бондаренко отмечает деятельность покойного краеведа, врача А. К. Белявского, автора ряда краеведческих работ, активного общественника, отдавшего городу Сретенску 30 лет своей жизни.

В статье «Из истории изучения Восточной Сибири» И. В. Арембовский приводит материалы об историке Г. Ф. Миллере, хранившиеся в фондах областного архива. Для истории края очень интересны сведения, сообщенные илимскими властями на запрос Миллера о состоянии и прошлом Илимского уезда, в частности, данные о состоянии рубленых деревянных крепостей-острогов—Илимского, Усть-Кутского, Киренского, Чечуйского, Илгинского, Янинского и Братского.

Тому же автору принадлежит статья в соседнем разделе—«Речной бобр в прошлом Восточной Сибири». Хотя эта статья, снабженная подзаголовком «Материалы к проблеме реаклиматизации», и помещена в биолого-географическом разделе, она не в меньшей мере относится и к историко-культурному разделу.

Основной вывод автора сводится к утверждению, что, несмотря на отсутствие в данное время бобров в Восточной Сибири, следует считать бесспорным наличие их здесь в прошлом. Бобры водились по рекам Восточной Сибири в период неолита и энеолита; кости бобров найдены в погребениях эпохи раннего железа (около начала нашей эры). Наконец, о широком распространении бобров свидетельствуют исторические документы, показывающие, что еще 200—300 лет тому назад бобр был обычным объектом промысловой охоты. Исчезновение бобра на территории Восточной Сибири, по мнению И. В. Арембовского, вызвано хищническим истреблением этого животного в XVII в.

В статье отмечается наличие костей бобра вместе с костями носорога в четвертичных отложениях Нижней Тунгуски. К этому можно добавить факт находки костей бобра в слоях замечательной, переходной от палеолита к неолиту, стоянки в устье реки Белой—левого притока Ангары (раскопки М. М. Герасимова в 1936 г.). Но подлинное «время бобра», конечно, неолит и энеолит. Отмечая (в тексте, в специальной сводной таблице и карте) находки бобров в неолитических и энеолитических погребениях, а также в слоях стоянок, И. В. Арембовский указывает, что в погребениях встречаются исключительно резцы и половинки нижних челюстей. По его мнению, бобр особо почитался неолитическими охотниками Восточной Сибири и был, вероятно, тотемным животным. В связи с этим интересно отметить, что бобр имел важное значение и для неолитических охотников европейской части СССР. По крайней мере, в замечательном неолитическом некрополе Ольеньего острова, раскопанном В. И. Равдоникасом, резцы бобра являлись обычным украшением, исчисляясь иногда десятками (подобно пластинкам из клыков кабана в Мариупольском могильнике).

И. В. Арембовский ограничился пока лишь археологическими данными и не привлек этнографических, которые могли бы помочь полнее выяснить значение костей бобра в могилах. С этой стороны характерно, что, при отсутствии определенных указаний на роль бобра в качестве тотема у племен Сибири, в их фольклоре встречаются представления о связи бобра со стихией воды, с преисподней, или, иначе, с «миром мертвых». Не в этих ли представлениях следует искать объяснение обилию костей бобра в древних могилах?

Интересно указание автора статьи на деревянные сооружения, открытые в 90-х годах на реке Малый Патом. Н. М. Козьмин, впервые открывший эти сооружения, считал их постройкой людей каменного века. И. В. Арембовский, наоборот, пришел

к выводу, что это остатки бобровой плотины. Для окончательного решения вопроса желательно было бы повторное обследование этого интересного памятника.

Рассматривая судьбы бобров и бобрового промысла в Восточной Сибири, И. В. Арембовский кратко излагает схему исторического прошлого края и прослеживает процесс «распада натурального хозяйства». Утверждение, будто лесная Сибирь находилась на положении колонии, поставляющей дань в течение почти двух тысяч лет, подкрепленное ссылкой на смену «очередных гегемонов», начиная с гуннов и кончая Чингисханом, вряд ли может быть принято в таком виде. И. В. Арембовский здесь некритически следует за авторами, которые видели здесь в начале I тысячелетия н. э. «колониальную эксплуатацию», а в XII—XIV вв. не находят и следа первобытных патриархальных отношений или даже натурального хозяйства.

При отмеченных частных недочетах работа сохраняет, однако, всю свою ценность как опыт использования свежего, нового, казалось бы, чисто «зоологического» материала и увязки его с археологическими данными для постановки и решения исторических вопросов. Такие работы являются вполне своевременными и необходимыми, особенно в области изучения памятников неолита, поскольку здесь резко чувствуется отсталость, сравнительно с исследованиями палеолитических памятников.

Статья И. В. Арембовского напоминает и о том, что остается еще ряд важных проблем, где особенно полезно было бы комплексное исследование. Таков, например, вопрос о сибирском нефрите. С ним связано много существенных моментов: изучение нефрита с археологической и геолого-минералогической стороны бросило бы свет на историю техники, социальных отношений и этнических связей в каменном веке; оно, быть может, помогло бы приблизиться и к точной датировке энеолитических памятников (путем решения вопроса о происхождении вещей из белого нефрита и сравнения их с изделиями из древнего Китая и т. д.).

Разобранная нами статья дает лишний повод указать на отсутствие в рецензируемом сборнике специальных статей по этнографии и археологии Сибири, по ее древней истории. В «Известиях ВСОРГО», как известно, с самого начала печатались статьи Черского о первых палеолитических находках в Иркутске; в них были опубликованы замечательные находки Н. И. Витковского на Ангаре, статьи Овчинникова, открывшего «Глазковскую культуру» (энеолит) в Прибайкалье, и многие другие статьи, привлечшие внимание видных представителей мировой археологической науки. Предыдущий, I том «Известий» Иркутского музея содержал ценные статьи о погребениях у деревни Распутино и др.

Перед нами опыт продолжения двух изданий в одном, и опыт удачный. Следует надеяться, что в третьем и следующих томах этого издания найдут место и археологические материалы, будут обнародованы богатые результаты систематических исследований Краеведческого общества и Иркутского музея, проводившихся за последние десять лет и по новому осветивших ряд важных моментов далекого прошлого Восточной Сибири.

Думается также, что в Иркутске хватит научных сил и для продолжения изданий отдела Географического общества рядом с «Известиями Музея»; одно другому не помешает.

А. Окладников